

Эрика Оттенс

КОНЕЦ СВЕТА ПО-СОСЕДСКИ

Эрика Оттенс

Конец света по-соседски

«Автор»

2026

Эрика Оттенс

Конец света по-соседски / Эрика Оттенс — «Автор», 2026

Представьте: апокалипсис наступил. И теперь вашим единственным шансом на выживание становится ваш сосед. Тот самый, с которым вы вечно спорили из-за парковки, чья собака лаяла по ночам, а чьи вечно громкие вечеринки сводили вас с ума. Эта книга, которая заставит вас посмеяться, сопереживать героям и, возможно, даже по-новому взглянуть на своих собственных соседей. Ведь кто знает, когда именно вам придется с ними объединиться, чтобы пережить конец света. По-соседски.

© Эрика Оттенс, 2026

© Автор, 2026

Эрика Оттенс

Конец света по-соседски

Город жил своей привычной жизнью — шумной, суетливой, пахнувшей выхлопными газами и жареными семечками у ларька возле подъезда.

В городе N, ничем не примечательном, кроме разве что вечной пробки на проспекте Ленина и странного запаха из подвала дома № 17, жизнь текла по привычному руслу. В окнах зажигался свет, в подъездах хлопали двери, на балконах сушились полотенца и старые покрывала, а в воздухе витало то самое чувство будничности, которое люди ценят, даже не замечая его.

Никто не знал, что именно в этот вечер, когда Тамара Ивановна дописывала формулу «универсального антидота» на полях инструкции к огнетушителю, а Петрович в очередной раз проверял, достаточно ли «Старик» нагрелся, мир начал тихо, почти незаметно, сходить с ума.

Это был не гром небесный, не вспышка света, не сигнал тревоги. Это был запах. Сначала тонкий, едва уловимый, похожий на запах перегретого металла и старой проводки. Потом он стал гуще, тяжелее, въедливее. И вместе с ним пришёл звук — не крик, не вой, а низкий, вибрирующий гул, будто город вдруг начал дышать по-другому. Тяжелее. Злее.

Тамара Ивановна жила уже давно в этом районе. Её квартира была одновременно святилищем науки и клубом вязания. На подоконнике, среди колб с жидкостями всех оттенков радуги, мирно дремал рыжий кот Барсик, время от времени тыкаясь носом в пробирку с чем-то ярко-зелёным. Рядом лежали клубки шерсти и спицы — Тамара Ивановна вязала носки даже во время экспериментов, утверждая, что «мозг должен быть занят двумя делами сразу, иначе он начинает придумывать глупости». На холодильнике висела распечатанная таблица Менделеева, обведённая красным фломастером в тех местах, где Тамара Ивановна делала пометки: «Не смешивать с уксусом!», «Осторожно: реакция с содой!». На столе — развёрнутая инструкция к старому огнетушителю, исчерканная пометками и формулами. В воздухе витал запах йода, спирта и ванильного печенья: Тамара Ивановна верила, что наука и уют — не враги.

Квартира Петровича была территорией мужского уюта, который с годами всё больше напоминал зону боевых действий после короткой, но ожесточённой битвы с бытом. Засаленный диван, телевизор с кинескопом, на стене — календарь с полуголыми девушками, не менявшийся с 2018 года. Но главное сокровище находилось на кухне: самогонный аппарат, который Петрович ласково называл «Старик». Он стоял посреди комнаты, как памятник индустриальной эпохе, окружённый бутылками, банками и стопками, аккуратно расставленными по размеру. На холодильнике — магнит с надписью «Жизнь удалась», а на столе — недоеденный бутерброд с салом, который, казалось, жил своей жизнью уже третий день. Петрович относился к нему философски: «Пусть будет. Вдруг пригодится».

Людмила Сергеевна пыталась удержать этот хаос в рамках приличия. Её уголок — это стопка аккуратно сложенных полотенец, ваза с сухими цветами и ежедневник, в котором она записывала не только покупки, но и «планы по спасению брака». На полке — книги по психологии, которые она читала по ночам, когда Петрович снова уходил «проверить аппарат». В её взгляде была усталость, но и твёрдость: она знала, что если не она, то никто не приведёт этот дом в порядок. Даже перед лицом апокалипсиса. Однажды она сказала соседке: «Если мир рухнет, я хотя бы буду знать, где лежат чистые полотенца».

Квартира Олега была воплощением цифрового минимализма с налётом запущенности. Стол завален проводами, три монитора, клавиатура с потёртыми клавишами. На стене —

постер с цитатой из «Матрицы»: «Ложки нет». В углу — коробка из-под пиццы, которую он не выносил уже неделю. На полу — коврик для мыши размером с полотенце. Олег редко выходил из дома, предпочитая решать проблемы через код. Но теперь код не помогал. В тот вечер он сидел перед мониторами, пытаясь понять, почему все новостные сайты одновременно выдали ошибку 503, и бормотал себе под нос: «Это не DDoS. Это что-то другое. Что-то... слишком большое».

Квартира Светланы пахла мятой и лавандой. На кухне — соковыжималка, блендер, полки с банками пророщенных зёрен. На стене — мотивирующие плакаты: «Ты сильнее, чем думаешь», «Твой организм — храм». В спальне — коврик для йоги и гантели, аккуратно поставленные в ряд. Светлана верила, что любая проблема решается зарядкой и правильным дыханием. Даже зомби. В тот вечер она стояла в позе воина, глядя в окно на темнеющий двор, и думала: «Если начнётся паника, я проведу экстренную медитацию. Главное — сохранить вибрации».

Маша и Дима были новенькими в этом районе. Их квартира была фотостудией, спальней и кухней одновременно. На подоконнике — фикус, который они называли «наш ребёнок». На столе — два телефона, заряжающиеся на одной розетке. На стене — коллаж из селфи: «Мы в парке», «Мы на фестивале», «Мы у заброшки (очень атмосферно)». Они жили в мире фильтров и хэштегов, и даже конец света для них был поводом сделать пару кадров. В тот вечер Маша сидела на подоконнике, настраивая ракурс, и говорила: «Смотри, как красиво темнеет. Давай снимем таймлапс. Если что, это будет наш последний шедевр». Дима кивал, хотя в глубине души надеялся, что шедевр всё-таки не последний.

Всё началось с запаха. Он был едким, неприятным, с металлическим оттенком, от которого першило в горле. Сначала подумали, что это опять Петрович что-то перегнал. Потом из квартиры этажом выше донёсся крик: «Петрович, ты опять со своим самогоном?!»

Но запах не уходил. Он становился сильнее, проникал в щели, оседал на одежде, въедался в кожу. И вместе с ним пришёл звук — сначала тихий, потом нарастающий, похожий на скрежет металла по стеклу.

Тамара Ивановна первой поняла, что дело не в самогоне. Она вышла на лестничную клетку с самодельным детектором, который собрала из старого градусника и пары проводов. Прибор пискнул, стрелка дёрнулась, и Тамара Ивановна прошептала:

— Это не этанол. Это что-то другое. Что-то... живое.

В этот момент дверь напротив распахнулась, и оттуда выскочил сосед, которого все звали просто «дядя Коля». Он был бледен, глаза расширены, а изо рта сочилась тёмная пена. Он не кричал. Он рычал.

— Коля? — тихо спросила Людмила Сергеевна, будто надеялась, что это розыгрыш. Дядя Коля зарычал громче и бросился вперёд.

Петрович, стоявший рядом, машинально схватил первую попавшуюся бутылку и швырнул её в сторону дяди Коли. Бутылка разбилась, жидкость разлилась, и на секунду показалось, что запах самогона перебьёт всё остальное. Но дядя Коля даже не замедлился.

— Ну, значит, не работает, — пробормотал Петрович, хватая вторую бутылку.

— Зато градус настроения поднял! — буркнул Петрович, отряхивая руки от осколков. — Надо было сразу «Старика» в ход пускать. У него крепость — врагу не снилось!

— Петрович, это не вечеринка! — рывкнула Людмила Сергеевна, хватая мужа за рукав так, что тот замер, будто его пригвоздили магнитом с холодильника.

Тамара Ивановна, не отрывая взгляда от своего детектора, деловито пощёлкала тумблером:

— Частота пульсации зашкаливает. Это не просто вирус. Это... организованная биомасса.

— Организованная? — переспросил Олег, выглядывая из-за угла с ноутбуком, будто прятался за щитом. — То есть они ещё и план составляют?

— Ага, — мрачно кивнула Тамара Ивановна. — И судя по сигналу, в их плане на первом месте — мы.

В этот момент дядя Коля, уже добравшийся до середины лестничной площадки, вдруг резко остановился, наклонил голову набок, словно пытался расслышать что-то сквозь собственный рык, и... потянулся к кнопке звонка.

— Он что, хочет позвонить? — недоверчиво прошептала Маша, доставая телефон. — Дима, сфоткай! Это же чистый сюр!

— Не надо! — хором закричали Тамара Ивановна и Людмила Сергеевна.

— Ну ладно, — вздохнула Маша, убирая телефон.

Дядя Коля тем временем нажал кнопку. Раздался мелодичный звон — «Ту-ру-ру-рум», будто в квартире напротив кто-то всё ещё ждал курьера с пиццей.

— Вот ведь привычка — сила, — пробормотал Петрович, качая головой. — Даже апокалипсис не выбьет из человека хорошие манеры. Ну, или плохие, смотря с какой стороны смотреть.

Светлана, которая до этого стояла в стороне, пытаясь выровнять дыхание, вдруг шагнула вперёд и встала прямо перед дядей Колей в позу «приветствия солнцу».

— Ты слышишь меня, Коля? — тихо, но твёрдо сказала она. — Это просто стресс. Давай подышим вместе. Вдох... выдох...

Дядя Коля на секунду замер, будто задумался над её словами, а потом снова зарычал — на этот раз как-то особенно обиженно, будто его не поняли.

— Вижу, медитация не сработала, — спокойно констатировала Светлана, плавно опуская руки. — Ладно, переходим к плану Б.

— План Б — это огнетушитель? — нервно уточнил Дима.

— План Б — это бежать, — отрезала Людмила Сергеевна. — И желательно не по одному!

Олег тем временем уставился на экран ноутбука и вдруг присвистнул:

— Ребята, камеры зафиксировали ещё троих. Они идут со стороны мусоропровода. И... кажется, один из них тащит швабру.

— Швабру? — переспросил Петрович. — Это он на нас нападать собрался? Типа: «А ну, разойдись, сейчас полы мыть буду!»

— Или это у них оружие ближнего боя, — мрачно добавила Тамара Ивановна. — В условиях апокалипсиса любая палка становится аргументом.

Группа попятилась к площадке между этажами, когда вдруг из квартиры этажом ниже донёлся голос — спокойный, уверенный, будто ничего не происходило:

— Эй, там, наверху! Кто там шумит? Я сериал смотрю!

Это был голос бабы Зины, легендарной жительницы первого этажа, которая могла остановить взглядом даже прорвавшуюся трубу.

— Баба Зина... — прошептала Маша. — Она же думает, что это просто шумные подростки.

— Хуже, — пробормотал Олег. — Она думает, что это подростки, которые мешают ей смотреть «Санта-Барбару».

Людмила Сергеевна решительно постучала в дверь бабы Зины:

— Зинаида Петровна! Там... там зомби!

Из-за двери раздался тяжёлый вздох:

— Опять эти словечки молодёжные. Какие ещё зомби? У меня кот на люстре висит, вот это проблема. А шум — это вы опять лестницу ломаете.

— Зинаида Петровна, — терпеливо начала Тамара Ивановна, — дядя Коля из 47-й квартиры рычит и пену пускает. Это не шутки.

Пауза. Потом дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался глаз бабы Зины и кончик вязального крючка.

— Коля? — переспросила она. — Так он всегда рычал, когда ему квашеную капусту не давали. Это у него характер такой.

— Сейчас он рычит громче, — вставил Петрович. — И пена... ну, она явно не от квашеной капусты.

Баба Зина помолчала, потом вздохнула так, что даже дядя Коля на лестнице как будто съёжился:

— Ладно. Дайте мне пять минут. И чтобы без криков. Я выхожу.

Дверь захлопнулась. Соседи переглянулись.

— Она сейчас... будет собираться? — неуверенно спросил Дима.

— Баба Зина собирается, как спецназ готовится, — мрачно сказала Людмила Сергеевна. — У неё там, наверное, сумка с продуктами, тапочки, паспорт и утюг. На всякий случай.

Через три минуты дверь снова открылась. Баба Зина стояла на пороге в пальто, с сумкой через плечо, в одной руке — вязальный крючок, в другой — сковородка.

— Готова, — коротко сказала она. — Ведите. И держитесь ближе ко мне. Я этих хулиганов с лестницы гоняла, когда вы ещё под стол пешком ходили.

Дядя Коля, увидев бабу Зину, вдруг замер, втянул голову в плечи и тихонько попятился назад в свою квартиру.

— Вот! — торжествующе сказала баба Зина, поднимая сковородку. — Я же говорила: дисциплина решает всё.

— Это не дисциплина, — пробормотала Тамара Ивановна, глядя на свой детектор. — Это... резонанс. Её голос перекрывает их частоту.

— Пусть будет резонанс, — буркнул Петрович. — Главное, что он ушёл.

— А теперь — быстро вниз, — скомандовала баба Зина. — И без глупостей. У меня сериал на паузе.

Соседи, сбившись в кучу, начали осторожно спускаться по лестнице, стараясь не шуметь. Маша тихонько шепнула Диме:

— Слушай, если мы выживем, я напишу пост: «Как мы пережили зомби-апокалипсис под руководством бабы Зины. Лайфхак для интровертов».

Дима только закатил глаза, но в уголке рта у него мелькнула улыбка.

На первом этаже, у выхода, Олег вдруг остановился и уставился на панель домофона.

— Ребята... — медленно произнёс он. — Домофон отключился.

— И что? — спросил Петрович.

— А то, что он не просто отключился, — Олег постучал по панели. — Он... перезагружается.

— Перезагружается? — переспросила Светлана. — Ты хочешь сказать, что домофон стал умнее нас?

— Я хочу сказать, — мрачно ответил Олег, — что если он сейчас включится, то может не нас впустить, а их.

В этот момент панель пискнула, экран загорелся, и на нём появилась надпись: «Добро пожаловать. Пожалуйста, приложите ключ».

— Очень вовремя, — пробормотал Дима. — Прямо как в плохом фильме.

Петрович вздохнул, достал из кармана связку ключей, выбрал самый большой, ржавый и внушительный, и решительно приложил его к панели. Раздался щелчок, дверь щёлкнула и приоткрылась.

— Работает, — выдохнул Олег.

— Конечно, работает, — хмыкнула баба Зина, первой выходя на улицу. — Я этот замок лично смазывала три года назад. Хороший замок — он и в апокалипсис замок.

Они вышли во двор. Небо было серым, фонари мигали, как в дешёвом хорроре, а вдалеке слышался странный гул — то ли ветер, то ли что-то похуже.

— Ну что, — сказала Тамара Ивановна, поправляя сумку с колбами. — Куда теперь?

— Туда, где есть стены, еда и баба Зина, — решительно заявила Людмила Сергеевна.

— И чай, — добавила Светлана.

— И самогон, — тихо вставил Петрович, но так, чтобы слышала только Людмила Сергеевна. Та только вздохнула, но не стала спорить.

И они пошли вперёд — нестройной, но упрямой колонной, где каждый был немного сумасшедшим, немного смешным, но, главное, не один. Потому что, как оказалось, даже конец света легче пережить, если рядом есть тот, кто напомним про чистые полотенца, сковородку или просто скажет: «Держитесь ближе ко мне».

Сначала заражение шло медленно, как туман, просачивающийся в щели. Потом — быстрее, жаднее. Люди, выходившие на улицу, возвращались другими. Те, кто не возвращался, становились частью тьмы.

Город менялся на глазах. Машины стояли брошенными, светофоры мигали в пустоту, витрины магазинов были разбиты. По улицам бродили существа, в которых едва угадывались прежние жители. Они не говорили. Они охотились.

Двор встретил их не тишиной, а каким-то липким, неестественным гулом — будто город затаил дыхание и теперь выдыхал его ржавым, скрежещущим звуком. Ветер швырнул в лицо обрывок газеты, тот прилип к плечу Олега, и тот дёрнулся, будто его укусили.

— Не нравится мне тут, — пробормотал Петрович, озираясь так, будто зомби могли прятаться за мусорными баками, как коты. — На улице как на витрине: смотри и бери. А в подъезде хоть стены родные.

— В подъезде стены, а тут... простор, — возразила Светлана, пытаясь вдохнуть поглубже, но воздух был тяжёлым, с привкусом гари и чего-то кислого. — Простор — это свобода.

— Свобода — это когда тебя не видно из окна третьего этажа, — буркнула Людмила Сергеевна, плотнее запахивая куртку. — А тут мы как в реалити-шоу: «Выжившие в пижамах».

Маша, которая уже успела сделать три кадра «апокалиптического двора», вдруг замерла, глядя на подъезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.